

Екатерина Кожина

Дракон, который отправлял письма

Екатерина Кожина Дракон, который отправлял письма

<https://litres.ru/74233417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Истинность драконам дается не просто так. Иногда, что бы быть вместе, нужно написать много писем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Кожина

Дракон, который отправлял письма

Глава 1

Зал Старейшин тонул в аромате благовоний. Верховный маг улыбался, указывая на фигуру, стоявшую позади него.

Девушка была хрупкой, но в ней угадывалась чистокровная кровь рептилий. На ней было дорогое платье из тяжелого синего шелка, который мягко переливался при свете факелов, напоминая ночную чешую. Однако главным изъясном, заставившим молодого дракона вздрогнуть, была плотная серая повязка, закрывающая верхнюю половину лица. Она стояла неподвижно, опустив руки.

— Совет Высших поздравляет тебя, Игниар, — провозгласил старик. — Магия сделала свой выбор. Вот твоя Истинная.

Игниар шагнул вперед. Его зрачки сузились до вертикальных щелей, а из ноздрей вырвались струйки сизого дыма. Он окинул девушку взглядом и обернулся к старейшинам.

— Это шутка? — голос молодого дракона рокотал, заставляя дрожать пламя свечей.

Девушка-дракон не двинулась с места. Она молчала. В воздухе от нее пахло лавандой и скрытой силой.

— Драконья магия не ошибается, юноша, — нахмурился старик.

— Магия — нет, а вот вы — продались! — Игниар сорвался на крик, его пальцы превратились в когти, высекая искры из каменного настила. — Это подлог! Какого богатого лорда эта дочь? Какой правящий дом решил избавиться от больной наследницы? Ее влиятельная семья решила сбыть с рук ненужную обузу и подкупила Совет, чтобы пристроить ее к чистокровному самцу!

Старейшины начали возмущенно рычать, обнажая клыки, но молодого ящера было не остановить. Он бушевал, расправив огромные кожаные крылья, отчего в зале поднялся ураган. Девушка лишь крепче сжала пальцы, но не произнесла ни звука.

— Вы подсунули мне слепую калеку! — продолжал греметь Игниар. — Мне плевать на богатство ее семьи. Я не приму этот союз. Ищите другого дурака. Я не возьму такую обузу!

Он развернулся, рванул на себя двери и вылетел прочь, оставив позади испуганный Совет и одинокую фигуру в шелковом платье.

Глава 2

Дома Игниара ждал семейный разбор полетов. В гостиной родового замка пахло паленой мебелью — верный признак того, что у лорда-отца подгорало терпение.

— Ты идиот, Игниар, — вместо приветствия констатировал отец. — Редкостный. Жаль, магия драконов не выдает вместе с Истинной хотя бы грамм мозгов.

— Отец, ты просто ее не видел! — Игниар, уже немного остывший по дороге. — Это манекен в дорогом шелке. На ней серая повязка, она ни слова не вымолвила! Совет явно взял на лапу у ее семейки, чтобы сбыть мне. Я дракон, а не сиделка в приюте для убогих!

— Этот «манекен», как ты выразился, — из древнего и богатейшего рода Ночной Тени, — ледяным тоном произнес отец. — Их казна больше нашей втрое. Я уже отправил им официальное послание с извинениями. Написал, что мой сын временно лишился рассудка из-за тяжелой весенней линьки.

— И что теперь? — буркнул Игниар.

— Ничего. Союз не принят, помолвка расторгнута. Благо, законы магии позволяют прервать узы Истинности через пять лет. Помучаешься немного от озноба, зато потом магия подберет вам обоим других избранных. Надеюсь, тебе достанется огневка, которая спалит твои любимые книги. А

пока собирай вещи. Ты отправляешься рядовым в Дальний гарнизон. Поучишься манерам.

Гарнизон встретил сыростью, овсянкой и отсутствием роскоши. Но драконья кровь взяла свое: Игниар служил на совесть, летал в дозоры, а вскоре обзавелся верными друзьями — такими же оболтусами, сосланными за разные провинности.

Субботние вечера в местном кабаке «Пьяный василиск» стали традицией.

— Слышь, Иг, — толкнул его в бок Торн, крупный зеленый дракон, шумно прихлебывая эль. — Вон та блондиночка-человечка из швейной лавки на тебя так смотрит, будто ты — сочный стейк, а она три дня не ела. Сходи, растопи ее сердечко своим пламенем.

— Ой, отстань, — ухмыльнулся Игниар, поправляя воротник форменного мундира. — Человеческие женщины такие хрупкие. Стоит чуть сильнее обнять в порыве страсти — и все, надо нести в лазарет.

— Зато они не читают нотации о чистоте чешуи и не требуют золото в приданое, — хохотнул второй приятель, Брон. — И вообще, Игниар у нас парень верный. Он ждет, пока его Истинная... как там ее? С повязочкой? Сама его найдет.

— Заткнись, Брон, иначе я подожгу твой хвост, — беззлобно огрызнулся дракон, но к блондинке подсел. Вечер обещал быть веселым.

Прошло три года. Жизнь в гарнизоне текла размеренно, пока в один из дней Брон не притащил в кабак свежий выпуск «Вестника Высших».

— О, глядите, что творится в столице, — Брон ткнул когтем в передовицу. — Слышали про нового ректора Высшей Академии Магии?

— Ну, и что там? — отозвался Игниар, крутя в руках пустой кубок. — Очередной жадный профессор, который опять поднимет оплату за обучение?

— А вот и нет! — загорелся Торн, заглядывая в газету через плечо Брона. — Пишут, что ректором назначили леди из рода Ночной Тени. Ту самую, которая ходит в серой повязке на глазах. Говорят, умнейшая девка.

Игниар замер. Кубок в его руке опасно звякнул.

— погоди... Серая повязка? Из рода Ночной Тени? — переспросил он, чувствуя, как в груди кольнуло.

— Ну да, она, — хмыкнул Брон, хитро косясь на друга. — Слушай, Иг... Это ведь та самая девица, на которую ты три года назад в зале Совета орал, что она «слепая обуза и калека»? А она тогда просто стояла и молчала?

— Она просто не хотела со мной разговаривать, — сквозь зубы процедил Игниар, уставившись в стол.

— Ну ты и тактик, конечно, — хохотнул Торн, похлопав его по плечу. — Мог бы сейчас быть со-ректором Академии, пить дорогое вино и плевать на устав. А вместо этого сидишь

с нами в глуши и караулишь контрабандистов. Она тогда, походу, решила: «Пусть этот придурок проорется и валит, даже доказывать ему ничего не буду».

Друзья покатались со смеху, а Игниар вздохнул и сделал глубокий глоток из кружки. Внутри шевельнулось неприятное чувство сожаления. Надо же было так глупо вспылить, наговорить лишнего и уйти, даже не попытавшись узнать, кто она такая на самом деле. Прав был отец — редкостный идиот.

— Ну и ладно, — буркнул Игниар, возвращаясь к реальности. — Зато у меня уставной оклад и отличная компания. Брон, наливай. Помянем мою упущенную гениальную партию.

Кавалером ордена «За глупость» он себя объявлять не собирался, да и бежать в столицу с извинениями было уже поздно и унижительно — гордость дракона, пусть и изрядно помятая, все еще оставалась при нем. Он просто принял это к сведению. И решил, что в следующий раз, прежде чем открывать пасть для крика, он хотя бы спросит у дамы имя.

Глава 3

С того дня в душе Игниара поселилась зудящая тревога. Служба шла своим чередом, но былой легкости не было. Раньше субботние вечера приносили радость, а теперь все шло наперекосяк.

— Иг, ну чего раскис? — Торн толкнул его в плечо, кивая на хорошенькую официантку. — Мари тебе уже третий раз улыбается, а у тебя лицо такое, будто ты сырого людоеда проглотил.

— Эль кислый, — буркнул Игниар, отодвигая кружку.

— Эль свежий! — удивился Брон, делая большой глоток. — И девчонки отличные. Ты что, в святые записался? Или у тебя чешуя чешется к дождю?

Дракон лишь вздохнул. Человеческие девушки показались ему слишком обычными. Шумными, суетливыми, без той леденящей, величественной стати, которую он видел в зале Совета.

Масла в огонь подлили новые слухи. Через пару месяцев бродячий торговец привез в гарнизон свежие столичные сплетни, от которых у всех драконов округлились глаза.

— Ну и девка! — захлебывался от восторга торговец, разливая эль в кабаке. — Новая ректор Высшей Академии устроила там такую чистку, что искры летели! Знаете этих

древних, заносчивых профессоров, которые триста лет читали лекции по бумажке и брали взятки золотыми слитками? Она их всех уволила. Половину педагогического состава выставила за ворота вместе с их сундуками!

— Да ладно? — Брон аж поперхнулся. — И кто теперь учит молодежь?

— Так саму молодежь и поставила! Набрала молодых, зубастых драконов-магистров, у которых глаза горят. А главное, парни, знаете что? Она переписала устав Академии. Теперь треть учебных мест — бесплатные! Для талантливых ребят, у которых за душой ни гроша, зато магия бурлит. Совет Высших выл от ярости, а она им просто смету в нос сунула и сказала: «Либо мы учим таланты, либо через сто лет наш вид вымрет». Вот это женщина! Железная драконица!

Внутри Игниара все перевернулось. Молодой дракон пошел на преступление против своей гордости — он отправился в библиотеку гарнизона.

Библиотека встретила его запахом плесени и тишиной. Старый смотритель-дракон спал, уткнувшись в свиток. Игниар пробрался к секции «Великие Рода Высших».

— Так Род Огненного Пика Род Золотой Зари Ага, вот она. «Род Ночной Тени. История и генеалогия», — прошептал он, вытягивая тяжелый, обтянутый кожей фолиант.

Книга была старой, с золотым тиснением. Игниар судорожно перелистывал страницы, пока не дошел до раздела «Современные наследники». Сердце застучало в ушах, как

походный барабан.

На плотной пергаментной странице был изображен магический портрет. Девушка. И на ней не было никакой повязки.

Игниар едва не выронил книгу. С портрета на него смотрела симпатичная драконица. У нее были правильные, благородные черты лица и удивительные фиалковые глаза. Она выглядела живой, уверенной в себе и чертовски привлекательной.

— О великий предводитель ящеров — чувствуя, как у него подкашиваются колени. — Какая же я скотина. Мало того что красавица, так еще и с мозгами. А я орал про подкуп и обузу...

— Кто скотина? — раздался над ухом сонный голос библиотекаря.

Дракон от неожиданности захлопнул книгу с таким грохотом, что с верхней полки посыпалась пыль.

— Никто! — рявкнул он, поспешно пряча фолиант за спину. — Я просто проверял прочность переплета! Очень качественный переплет!

— Иди отсюда, — зевнул старик-смотритель. — И книгу на место поставь, пока хвост не оторвал.

Выскочив из библиотеки, Игниар прислонился к каменной стене и закрыл глаза. В голове прочно отпечатался фиалковый взгляд. Теперь он точно знал, от какого «сокровища» так глупо и пафосно отказался три года назад. Прервать

узы Истинности через два года ему хотелось все меньше, а легкая смута в душе превратилась в полноценный пожар.

Глава 4

Идея с «живым почтовым голубем» показалась гениальной. Кандидат нашелся быстро — сирота, выросший при конюшнях гарнизона. Парень обладал даром к магии воздуха и умудрялся силой мысли выносить навоз из денников, не прикасаясь к лопате.

— Значит так, Вырыш, — Дракон положил на стол перед ошалевшим парнем кошель с золотом. — Здесь деньги на дорогу, приличную одежду и подкуп кастеляна, если общепитие покажется тебе сараем. Ты едешь в Высшую Академию Магии. Ректор ценит таланты, так что тебя возьмут на бесплатное.

— А в чем подвох? — Вырыш уставился на золото так, словно оно могло его укусить. — Вы хотите, чтобы я украл для вас секретные чертежи ректорского сейфа?

— За кого ты меня принимаешь?! — оскорбился Игниар. — Ты просто передашь леди-ректору лично в руки два письма. Вот это, с синей печатью — официальная рекомендация от меня как от офицера гарнизона. А вот это, в запечатанном конверте без подписи просто отдай. И упаси тебя магия его вскрыть — подпалю усы.

Несколько дней до этого Игниар буквально метался по казарме, извывая три пачки магического пергамента, который

записывал голосовое письмо отправителя. Он наговаривал красивые эпитеты, комкал листы и проклинал свою гордость. В итоге во втором письме получились удивительно искренние извинения. Никакого пафоса. Он честно и с легкой иронией попросил прощения за того напыщенного, неумного барана, который три года назад орал в Зале Старейшин и хлопал дверью.

Через две недели Вырыш прислал магический вестник. Парень успешно поступил, обустроился и передал посылку.

Ответ от леди-ректора пришел в крошечном, пахнущем лавандой конверте.

Внутри лежал листок. При прикосновении пальцев прозвучал приятный, но сухой голос: *«Извинения приняты»*.

Игниар еще раз потер листок. Тишина. Ничего.

— И это все?! — возмутился он вслух, обращаясь к пустой комнате. — Я три ночи не спал, подбирал синонимы к слову «раскаяние», а она мне два слова!

Драконье упрямство, дремавшее три года, взвилось до небес. На следующий же день он накатал новое письмо. В нем уже не скромничал. Расписал, как сильно изменился, как гарнизонная жизнь вправила ему мозги, и прямо, без обиняков предложил: *«Давай попробуем начать все сначала. Приеду в отпуск, сходим в столичную ресторацию, поедим жареных перепелок. Seriously, я теперь даже умею не поджигать скатерть, когда волнуюсь»*.

Письмо улетело с почтовым грифоном. Игниар считал ми-

нуты.

Через три дня грифон вернулся. Игниар сорвал сургуч, развернул записку. Ответ леди оказался шедевром лаконичности: «*Нет*».

Дракон ошеломленно уставился на маленький клочек магического пергамента.

— Ого, братан, — заглянувший в комнату Торн присвистнул. — Кажется, тебя только что испепелили без единого боевого заклинания. Она гений краткости. Слушай, а если ты ей напишешь в третий раз, она пришлет пустой лист или сразу проклятие на облысение чешуи?

— Заткнись, Торн, — отозвался Игниар, пряча записку карман мундира. Настроение было паршивым, но внутри впервые за три года разгорелся настоящий, азартный драконий интерес.

Глава 5

Игниар вошел во вкус. И превратил переписку в свой ежедневный дневник. Терять было нечего, а драконье упрямство требовало выхода.

Каждый вечер после отбоя он садился за стол, и почтовые грифоны гарнизона начали работать в режиме повышенной нагрузки. Дракон писал обо всем.

«День 14-й. Привет. Сегодня Торн пытался пожарить яичницу прямо в полете, используя дыхание. В итоге мы полчаса тушили его штаны, а Брон смеялся так, что вывихнул челюсть. В гарнизоне скучно, но с этими идиотами не пропадешь. Как там твои молодые профессора? Надеюсь, они не жгут мебель. Горжусь тем, как ты умыла Совет».

Ответ на следующее утро: **«Забавно».**

«День 45-й. Знаешь, я тут читал хроники твоего рода. Там написано, что твоя прабабка в одиночку прогнала лесного предводителя оборотней, просто наступив ему на лапу. Кажется, это у вас семейное. Я в детстве тоже пытался быть грозным, но однажды застрял головой в заборе, когда воровал яблоки у соседей. Отец выжигал забор, а мама плакала, что у нее растет дурачок. Думаю, она была права. Скучаю по твоей серой повязке».

Ответ: **«Молодец».**

«День 120-й. Сегодня пили эль. Опять кислый. Все девчон-

ки в кабаке кажутся мне бледными. Я смотрю на них и думаю о том, как ты молчала в том зале. Ты ведь тогда не из-за скромности молчала, да? Ты просто думала: "Что за кретин мне достался". И была чертовски права. Я люблю тебя. Да, вот так глупо, через письма к девушке, лицо которой видел только на старом портрете. Но моя магия и мое сердце воют, когда я думаю о тебе».

Ответ: **«Пройдет».**

Игниар писал ей целый год. Триста шестьдесят пять писем. Он вывернул перед ней душу наизнанку: рассказал про свои страхи, про то, как в юности боялся первой линьки, про свои дурацкие армейские будни. С каждым месяцем он понимал, что короткие ответы этой загадочной драконицы значат для него больше, чем весь золотой запас его клана. Он влюбился в нее по-настоящему — в ее ум, в иронию, в ледяное, но такое регулярное внимание. Она ведь отвечала. Каждый. Божий. День.

Субботние посиделки в «Пьяном василиске» теперь выглядели специфически.

— Так, тихо всем! — Торн шикнул на Брона, когда в окно кабака постучал почтовый грифон. — Игниару пришла ежедневная доза ректорской мудрости. Что там сегодня? Длинное «отвали» или короткое «исчезни»?

Игниар отвязал от лапки птицы крошечный свиток. Провел пальцем по записке, голос девушки: **«Ого»**. Парень рас-

плылся в блаженной улыбке.

— «Ого»? — Торн почесал чешуйчатый затылок. — И чему ты радуешься, несчастный? Это на какое из твоих писем?

— На вчерашнее. Я написал ей, что если она не согласится со мной поужинать, я переvedусь в морскую пехоту и меня сожрет гигантский кальмар. И она ответила «Ого»! Понимаешь? Это же явный прогресс! Она сопереживает!

— Братан, ты безнадежен, — вздохнул Брон, закатывая глаза. — Тебя приворожили по почте. Магия драконов — страшная вещь, но твой случай достоин учебника по психиатрии.

На триста шестьдесят шестой день Игниар отправил письмо, полное чистой, звенящей тоски: *«Год прошел. Мой отец говорит, что узлы Истинности почти истончились, и скоро магия нас отпустит. Мне страшно. Я не хочу другую Избранную. Я хочу писать тебе всю жизнь. Мне жаль, что я все испортил тогда».*

Ответ пришел, тихий голос: **«Сожалею».**

Она сожалела о том, что узлы исчезают? Или о том, что он дурак?

Глава 6

Написать триста шестьдесят седьмое письмо Игниар не успел. В ту ночь Дальний гарнизон содрогнулся от удара: из приграничных разломов хлынули легионы пещерных тварей, ведомые ренегатами, освоившими запретное черное пламя.

Бой был яростным. Игниар дрался как безумный, прикрывая отход раненых товарищей и удерживая главные ворота форта. Когда командира гарнизона сбило с ног, молодой дракон принял командование на себя. Он сошелся в воздухе с предводителем нападавших. Враг рухнул вниз, но напоследок выдохнул Игниару прямо в лицо сгусток ядовитого магического огня. Игниар успел закрыться, приняв основной удар на левую сторону. Гарнизон выстоял и отбилсся, но дракон свалился на камни плаца без сознания.

Едва дышащего парня тут же забрали перепуганные родители. Лорд-отец лично примчался за сыном. Следующие несколько недель Игниар провел в бреду и горячке в родном замке. Мама не отходила от его постели ни на шаг. Она сидела с ним ночами, смазывая раны мазями и шепча исцеляющие заклинания, пока отец мерил шагами коридор.

Когда Игниар пришел в себя и смог встать на ноги, он первым делом подошел к зеркалу.

Драконья регенерация и материнская забота совершили

чудо, сохранив ему жизнь, но против черного пламени они оказались бессильны. Лицо пострадало меньше — обгорел левый висок и самый край щеки. Но левая сторона головы, шея и плечо были покрыты жесткими, рваными багрово-серыми шрамами, а чешуя и волосы там больше никогда не росли.

— Ну что, боец, — ухмыльнулся собственному отражению, ведя пальцами по изуродованному плечу. — Зато мундир теперь будет сидеть с шиком.

— Прекрати паясничать, — сказала вошедшая в комнату мать, обняв. — Ты спас сотни жизней. Ты настоящий герой.

Отец, заглянувший в дверь, лишь кивнул, впервые в жизни посмотрев на сына с гордостью. Игниар искренне поблагодарил родителей, но оставаться в семейном гнезде не захотел. Как только окончательно окреп, собрал вещи и вернулся в свой Дальний гарнизон — туда, где была его настоящая служба, боевые товарищи и привычный уклад.

Едва он вернулся на заставу, как Брон принес свежую столичную газету. Друг мялся у двери, не зная, стоит ли показывать это Игниару.

— Да ладно тебе, выкладывай, — вздохнул дракон, поправляя фуражку чуть набок, чтобы скрыть шрамы на голове, и возвращаясь к отчетам по снабжению. — Хуже, чем было, все равно ничего не напишут.

— Тут про Академию сплетни, — Брон положил листок на стол. — Пишут, что один из тех молодых преподавателей,

которых она наняла ну, этот, золотой дракон, гений артефакторики. В общем, он оказывает ей знаки внимания. Подносит редкие фолианты, провожает после лекций. И пишут, что леди-ректор благосклонно принимает его ухаживания. Они вместе ужинали в столичной ресторации.

Игниар долго смотрел на строчки газеты. Сердце, и без того израненное, глухо заныло. В памяти всплыл прекрасный фиалковый взгляд девушки. Она заслуживала счастья. Настоящего, полноценного, с кем-то благородным, кто не орал на нее три года назад и чье тело не покрыто ожогами от черного пламени.

Вечером он сел за стол и наговорил свое последнее, триста шестьдесят седьмое письмо.

«Привет. Я долго не писал — у нас тут было немного шумно, и я слегка сменил имидж. Шрамы украшают дракона, но в моем случае они решили забрать себе все левое плечо и половину головы. Я узнал новости из столицы. Рад за тебя. Золотые драконы — отличная партия, они хотя бы умеют вежливо разговаривать с первого раза. Я хочу попросить у тебя прощения в последний раз. И пожелать тебе счастья. Ты великая драконица, и я невероятно горд, что магия когда-то выбрала для тебя меня, пусть я этого и не заслужил. Прощай, моя Истинная. Я больше не побеспокою тебя».

На это письмо ответ не пришел. Ни на следующий день, ни через неделю, ни через месяц. Лавандовые конверты пе-

рестали прилетать в гарнизон.

Прошел еще год. Игниара повысили до капитана и назначили комендантом. Под его началом крепость превратилась в неприступный бастион. Он служил честно, жестко, держал оборону и гонял контрабандистов так, что те крестились при упоминании «Капитана со шрамом».

По выходным Торн и Брон все так же тащили его в «Пьяный василиск».

— Слушай, командир, — Торн толкнул его локтем, сдвывая пену с кружки. — Пять лет почти истекли. Срок Истинности на исходе. Вон, человеческие девушки до сих пор на тебя заглядываются! Шрамы добавляют суровости, девчонки такое любят!

Игниар лишь улыбнулся, глядя через мутное стекло кабака на закатное небо.

— Пусть заглядываются, Торн. Только мне никто не нужен. Узы могут исчезнуть, древняя магия может сдаться. Но я-то не магия. Я по-прежнему люблю ее. Всем своим дурацким, упрямым сердцем.

— Да ты хоть имя-то ее за эти четыре года узнал, романтик хренов? — беззлобно проворчал Брон, качая кружку. — Столько писем, тонны пергамента, а все «моя Истинная» да «леди-ректор». Как зовут-то ее?

Игнар тепло улыбнулся, откинулся на спинку стула и с глубокой нежностью произнес:

— Мира. Ее зовут Мира. Красивое имя, правда? Самое лучшее в мире.

Глава 7

До конца Истинности оставался всего месяц, когда в штаб Дальнего гарнизона прилетел официальный приказ, заверенный золотой печатью Совета Высших. Игниар читал его, и строчки прыгали у него перед глазами.

«Настоящим уведомляем, что в рамках полевой интеграции Высшая Академия Магии направляет старший курс боевых магов на двухнедельную практику в Дальний гарнизон. Делегацию возглавляет леди-ректор Миранда из рода Ночной Тени. Коменданту гарнизона капитану надлежит подготовить казармы, составить план патрулирования и обеспечить безопасность».

Игниар опустил пергамент. Внутри него поднялась такая буря, что из ноздрей вырвалось облачко сизого дыма.

— Командир, ты чего? — Торн заглянул в кабинет. — Опять интенданты вместо мяса сухари прислали?

— Хуже, Торн. Намного хуже, — хрипло отозвался Игниар. — Сюда едет леди-ректор. Со старшим курсом. На две недели.

Торн застыл, а потом ка-а-ак заржет, хлопая себя по чешуйчатым бедрам:

— О-о-о! Великий первородный ящер, ты услышал мои молитвы! Братан, она едет к тебе! Твоя двухсловная муза!

Командир, срочно вели чистить плац зубными щетками, а Брону прикажи помыться, от него до сих пор разит «Пьяным василиском»! Ты взволнован? Да у тебя хвост дрожит, я же вижу!

— Закрой пасть, Торн, — буркнул дракон, поправляя фуражку так, чтобы она скрывала шрамы на голове. — Она едет на практику со студентами. Я для нее — просто обгорелый капитан приграничной дыры. И вообще, она ухаживания золотого дракона принимает, забыл? Так что отставить ржать, иди готовь южные казармы. Чтобы все блестело.

Когда Торн, все еще хихикая, ушел, Игниар закрыл лицо руками. Сердце колотилось как сумасшедшее. Двадцать восемь дней до полного разрыва магии крови. Последний месяц. И она проводит его здесь.

А в это же время в ректорском кабинете Мира из рода Ночной Тени откинулась на спинку кресла и посмотрела на свое отражение в окне.

В столице все помнили ее как слепую калеку в серой повязке. На самом деле у некоторых чистокровных драконов ее рода изредка проявлялась генетическая особенность — светобоязнь. Яркое солнце причиняло ее глазам боль, поэтому плотная ткань была необходимостью. Но Мира прекрасно видела сквозь повязку. Самое главное — эта светобоязнь не была вечной. Почти год назад, когда ее личная магия вошла в полную силу, недуг отступил. Девушка сняла повяз-

ку и уже год ходила с открытым лицом, восхищая столицу фиалковыми глазами. Но до гарнизона эта новость не дошла — тамошние газеты интересовались только контрабандой и ценами на эль.

План изменить Академию, разогнать взяточников и дать шанс талантливым беднякам зрел в ее голове годами. Но ей, молодой и тихой драконице, просто не хватало смелости пойти против вековых устоев и авторитета Совета Старейшин.

Все изменилось четыре года назад в том самом Зале. Когда она впервые увидела Игниара — статного, сильного, с горящими глазами — он ей сразу понравился. Сердце предательски екнуло. А потом... потом он начал орать. Назвал ее подлым, обузой, слепой калекой и с грохотом ушел.

Мира тогда промолчала, но внутри нее вспыхнуло такое яростное пламя обиды, что оно сожгло всю неуверенность. Желание доказать и этому заносчивому ящеру, и самой себе, чего она стоит, стало ее главным двигателем. За три года она провернула невероятное: подняла связи рода, переиграла Совет, устроила переворот в Академии, заняла кресло ректора и переписала устав.

Когда Вырыш передал ей первое письмо с извинениями от Игниара, вся ее женская гордость ликовала. *«Ага, прижал хвост, напыщенный индюк!»* — думала она, проговаривая на записку из магического пергамента лаконичное: *«Извинения приняты»*.

Второе письмо с предложением «начать все сначала» заставило ее задуматься. Нужен ли он ей? Мира не спала всю ночь, взвешивая все «за» и «против». Он вспыльчивый, грубый, наговорил лишнего Нет, такой дракон ей не нужен. И она отправла короткое, как щелчок по носу: «*Нет*».

А потом началось безумие. Письма пошли каждый день.

Мира слушала их тайно, запершись в кабинете, как самый увлекательный роман о любви. Она смеялась над его историями про Торна и яичницу, грустила от рассказов о детстве и застревании в заборе, и замирала, когда он писал, как сильно гордится ей. За этот год, через голос на пергаменте, она узнала его настоящего — раскаявшегося, верного, умного и веселого. И Мира влюбилась. Всем сердцем. Она уже в прокручивала в голове план, как бы так изящно согласиться на встречу.

А потом случилось нападение на гарнизон.

Новости о подвиге «Капитана со шрамом» всколыхнули столицу, а следом пришло его последнее письмо. Письмо, где он прощался навсегда, комплексовал из-за обгоревшей головы и плеча, сватал ее за золотого дракона (с которым она вообще-то ужинала только ради выбивания гранта на лабораторию артефакторики!) и желал счастья с другим.

Мира обиделась. И разозлилась. «*Он решил все за двоих! Опять! Сдался и помахал лапкой на прощание!*» В порыве драконьего гнева она разорвала это письмо на мелкие клочки и поклялась больше никогда о нем не думать.

И вот теперь до конца Истинности оставался всего один месяц. Магия крови внутри нее угасала.

Мира сидела за столом, перед ней лежал флакончик с магическим клеем. Тонкими пальцами она кусочек за кусочком, склеивала обрывки его последнего письма. Провела ладонью, где он говорил: *«Прощай, моя Истинная»*.

Убеждая саму себя, что едет в этот глухой гарнизон просто так. Нагло, отчаянно врала собственной совести, что ей просто хочется «посмотреть на него в последний раз перед разрывом уз» и проконтролировать практику студентов. Но глубоко внутри ее женское сердце отчаянно надеялось на другое. Она надеялась, что Игниар увидит ее обновленную, красивую, без всяких повязок и просто не сможет, не захочет отпустить ее и прервать эту Истинность.

Она решительно запечатала приказ, вызвала старосту старшего курса и объявила о выездной практике в Дальний гарнизон.

Глава 8

Площадка полетов Дальнего гарнизона продувалась всеми ветрами, но Игниару казалось, что он стоит внутри доменной печи. За его спиной, стараясь не щелкать зубами от волнения и любопытства, выстроился весь свободный состав. Брон тихонько икал, Торн нервно потирал ладони.

В небе показался отряд. Изящная драконица темно-синего, почти черного окраса шла во главе клина. Ее крылья ловили воздушные потоки с такой грацией, что у дракона перехватило дыхание.

Она приземлилась первой. Огромные крылья подняли тучу пыли, а в следующий миг магия окутала чешуйчатое тело, сжимая его до человеческих контуров. Сияние померкло, и Мира шагнула вперед.

Игниар едва не рухнул прямо на камни плаца. На него — прямо на него уверенно смотрели фиалковые глаза из архивного фолианта. Никакой повязки. Никакой слепой калекки. Перед ним стояла красивая, взрослая, роскошная драконица.

Внутренний ящер Игниара испустил глухой стон, а магия Истинности в груди, которая еще вчера казалась умирающим угольком, рванула вверх ослепительным вихрем. Острый, обжигающий импульс прошел обоих — Мира едва заметно качнулась, ее зрачки сузились в вертикальные щели.

Игниар совершил колоссальное усилие воли. За пять лет в гарнизоне он перестал быть тем заносчивым, крикливым мальчишкой. Он вырос, раздался в плечах, его осанка обрела военную статью, а взгляд стал спокойным и опасным. Капитанская форма сидела на нем как влитая.

Мира судорожно сглотнула, с трудом удерживая маску хладнокровия. Из писем она знала, что он изменился, но не ожидала увидеть перед собой *такого* мужчину. Ни следа юношеской угловатости. Сильный, уверенный в себе боевой офицер.

— Приветствую вас в Дальнем гарнизоне, леди-ректор, — голос Игнара прозвучал на октаву ниже обычного. — Рад, что полет прошел без происшествий.

— Благодарю, капитан, — девушка вздернула подбородок, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос не дрожал. — Рада... убедиться в вашей исполнительности.

— Торн! Брон! — обернулся к друзьям, чей вид сейчас напоминал двух застывших каменных гаргулий. — Разместить старший курс в южных казармах. Проверить обеспечение, выдать сухой паек. Выполнять.

— Есть, командир! — хором рывкнули те и поспешно уволокли за собой толпу прибывших студентов, благоразумно оставив начальство наедине.

Игниар повернулся к Мире, подхватил ее дорожный чемодани указал на главный донжон:

— Прошу за мной. Ваша комната готова.

Они шли по коридорам крепости. Магия крови искрила, заставляя волоски на руках вставать дыбом от близости друг к другу. Каждый шаг отзывался волной жара в груди.

— У вас здесь... аутентично, — нарушила тишину Мира, глядя на серые стены. — И эль, говорят, кислый.

Капитан усмехнулся не оборачиваясь:

— Последний год — особенно кислый, леди Мира. Но, думаю, вы приехали не за дегустацией напитков.

— Исключительно ради практики студентов, капитан, — соврала она так нагло и уверенно, что ее ящер внутри ехидно хмыкнул. — Контроль качества образования на местах, знаете ли.

— Разумеется, — серьезно кивнул Игниар.

Они начали подниматься по винтовой лестнице к жилым покоем. Тяжелый чемодан не замедлял шаг капитана, но на одном из поворотов, где камень раскрошился от сырости, девушка слегка оступилась.

Молодой дракон среагировал мгновенно. Он перехватил чемодан левой рукой, а правой — поддержал Миру за локоть. Из-за этого его форменная фуражка сдвинулась назад, и левая сторона со шрамами от черного пламени, лишенная чешуи и волос открылась ее фиалковому взгляду.

Леди замерла, глядя на эти боевые отметины. Ее пальцы сжались на его предплечье. Ожог был суровым, но он не портил его — напротив, делал его мужчиной, который заглянул смерти в пасть и сумел вернуться.

Игниар почувствовал, как ладонь обжигает его сквозь сухо мундира. Ощущения были настолько острыми, что у него пересохло в горле. Он твердо вернул ее в устойчивое положение, поправил фуражку.

Они подошли к дверям комнаты. Дракон поставил чемодан у порога и отступил на положенный по уставу шаг, хотя все его существо требовало сократить это расстояние до нуля.

— Располагайтесь. Ужин подадут через час. Если что-то понадобится... я всегда в штабе.

Мира проводила его взглядом, и когда дверь закрылась, прислонилась к ней спиной, голова кружилась. Ее план «просто посмотреть» полетел к чертям.

Глава 9

Офицерская столовая гарнизона в этот вечер напоминала пороховой погреб, к которому подносили фитиль. За столом сидели все старшие чины и леди-ректор.

Вначале мужчины честно пытались блеснуть галантностью. Старый майор захлеб рассказывал о тактике борьбы с горными троллями, Торн травил армейские анекдоты, а Брон увлеченно рассуждал о поставках фуража. Но близость Истинного действовала на Миру как мощное глушащее заклинивание. Вся ее столичная дипломатия испарилась.

— Леди Мира, как вам наши оборонительные редуты? — поинтересовался капитан снабжения.

— Да, конечно, — ответила Лисандра невпопад, глядя в тарелку и чувствуя, как у нее горят уши. На самом деле она неотрывно, краем глаза, следила за тем, как Игниар держит нож.

Капитан вел себя не лучше. Когда Торн спросил его про утренний патруль, комендант гарнизона глубокомысленно изрек: *«Патруль, это отлично»*.

В итоге офицеры один за другим начали замолкать. Между комендантом и ректором воздух не просто искрил — от него пахло озоном, а магия крови металась по столовой, как шаровая молния.

— Э-э-э господа, — Брон первым не выдержал психоло-

гической атаки, поспешно вставая со стула. — Мне срочно нужно проверить конюшни. И грифона. И вообще все.

— Да-да, у меня тоже отчет по портянкам не сходится, — подскочил Торн.

Через минуту столовая опустела с такой скоростью, словно объявили боевую тревогу.

Игниар встал, предлагая девушке руку. Она оперлась на его локоть, и новый разряд тока прошел обоим до кончиков хвостов. В молчании они дошли до ее комнаты. Мира шагнула внутрь, дракон уже развернулся, чтобы уйти, как вдруг раздался испуганный крик.

Игниар взлетел через порог, с ходу выхватывая боевой кинжал.

Леди-ректор, Мать Нового Рассвета и гроза Совета Старейшин, с ногами забралась на деревянный стул. А по ножке стула к ней деловито, шевеля розовым носом, ползла маленькая, пушистая белая крыса.

— Капитан! Здесь чудовище! — выдохнула Мира, округлив фиалковые глаза.

Дракон оценил «угрозу». Кинжал полетел обратно в ножны. Капитан перехватил грызуна за шкурку. Крыса пискнула.

— Спокойно, леди, объект нейтрализован, — Игниар подошел к окну и выкинул белое «чудовище» на стог сена во дворе.

Он только успел повернуться к девушке, чтобы ободряю-

ще улыбнуться, как раздался хруст. Деревянная ножка стула подломилась в самый неподходящий — или, наоборот, в самый удачный — момент. Стул накренился, Мира потеряла равновесие и полетела вниз.

Капитан сработал на армейских рефлексх. Он сделал шаг и поймал ее.

Мир вокруг них перестал существовать. Девушка упала прямо в его объятия, обхватив руками его за шею. Игниар прижал ее к своей груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. Его фуражка от движения слетела, и Мира оказалась лицом к лицу с его шрамами. Но она не отвернулась. Ее пальцы нежно коснулись его обгоревшего виска, а фиалковый взгляд приковал его к месту.

— Кажется у вас в гарнизоне плотники плохие, капитан, — прошептала она прямо ему в губы.

— Плотники у меня отличные, — хрипло отозвался Игниар, не собираясь выпускать ее из рук. — А вот друзья — идиоты.

В этот самый момент под окном, в стогу сена, сидели эти самые "идиоты". Торн бережно прятал в карман пойманную декоративную крыску.

— Я же говорил, крыса из лавки моей Мари сработает лучше приворотного зелья! — победоносно прошептал Торн. — Девчонки их боятся до чертиков.

— Да если бы я не подпилил эту чертову ножку стула пол-

часа назад, твой план бы провалился! — так же шепотом огрызнулся Брон, потирая руки. — Глянь в окно, они там обнимаются. Ну каков чертяка наш командир, а? Пять лет мучился, зато теперь...

— Тс-с-с! Тихо ты! Обернутся — он нам обоим хвосты поотрывает и черным пламенем поджарит!

Глава 10

Короткое замешательство сменилось первородным драконьим инстинктом. Через минуту Игниар уже целовал ее с яростной, безумной нежностью, от которой кружилась голова. Мира отвечала с не меньшим пылом, прижимаясь к его груди. Оба они горели таким пламенем, что воздух в комнате казался осязаемо горячим, а магия Истинности вокруг них торжествующе взревела, окончательно замыкая узы. Это был не просто физический порыв — это была ментальная буря, где пять лет разлуки, обид и сотен писем наконец-то сошлись в одной точке.

Тонкие пальцы девушки с поразительной скоростью растегнули пуговицы и стянули с него китель вместе с рубашкой, а затем рука решительно потянула за пряжку ремня брюк.

Игниар резко остановился, перехватив ее запястья. В его груди боролись бешеное желание и внезапно оживший страх показаться ей отталкивающим. Свет факела очертил рваные багровые шрамы на левом плече.

— Посмотри на меня, я урод, — выдохнул он.

— А я слепая калека, забыл? — отрезала Мира. В ее голосе не было жалости, только упрямая драконья страсть, стирающая любые изъяны.

— Прости меня за все, что было в Совете, — глухо по-

просил он.

— Я давно простила, глупый ящер, — в ее фиалковых глазах, расширенных от близости, плясали искры.

— А тот золотой дракон из газет? — ревниво процедил он.

— Это деловой ужин ради гранта, — выдохнула она прямо ему в губы, окончательно сжигая его сомнения.

Драконница слегка отстранилась. Ее мозг сейчас лихорадочно искал способ сказать то, что она так давно хотела произнести.

— Но ты ведь помнишь мой ответ на твое второе письмо? — просила она, заглядывая ему в душу.

Игниар, не выпуская ее из объятий, наклонился к брошенному на пол кителю и достал плотную, увесистую пачку. Триста шестьдесят семь записок туго стянутых фиалковой лентой.

Девушка застыла, выдав ошарашенный, полный звенящей нежности взгляд. В этот миг она окончательно поняла, что этот суровый приграничный капитан берег каждое ее слово как величайшую святыню.

Игниар вытянул из-под ленты бумажку со словом «Нет». Мира вырвала ее и порвала на мелкие клочки.

— Спроси меня еще раз, — прошептала она, прижимаясь своими губами к его уху.

— Давай начнем все сначала? — выдохнул дракон.

— Давай.

Игнар больше не произнес ни слова, опрокидывая ее на постель.

Глава 11

Ночь была соткана из нежности, трепета и той оглушительной страсти, которая рождается только после долгих лет ожидания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.